

типов генезиса со сходными результатами свидетельствует о необходимости этимологического, генетического анализа для подтверждения реальности параллелизма в каждом случае так называемых семантических параллелей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Стойчев Тодор. Родопски речник // БД II. София. 1965, 141.
- ² Бояджиев Тодор. Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско // БД VI. София, 1971. 16.
- ³ Он же. Из лексиката на с. Дервент, Дедеагачко // БД V. София, 1970. 226.
- ⁴ См.: Варбом Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имён. VI // Этимология. 1976. М., 1978. 32–35.
- ⁵ Bezljaj F. Jezikovne priče slovenske etnogeneze. Ljubljana, 1967. 154.
- ⁶ Шахматов А.А. К истории звуков русского языка. Замена долгих плавных слоговыми и третье полногласие // ИОРЯС. Т. VII. Кн. 2. СПб., 1902. 335.
- ⁷ Климчук Ф.Д. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья. М., 1968. 76.
- ⁸ См. об этимологии на базе праслав. * *let-* ‘летать’: Варбом Ж.Ж. Задать лататы // Русская речь. 1986. № 1.
- ⁹ Потебня А.А. К истории звуков русского языка. Этимологические заметки. Варшава, 1880–1883. 100.
- ¹⁰ См. также: Dauzat A., Dubois J., Mitterand H. Nouveau dictionnaire étymologique et historique. 3-me éd. Librairie Larousse. Paris, 1964. 110.
- ¹¹ См. также: Варбом Ж.Ж. Связи значений и семантическая реконструкция в этимологии // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Bd. 38, 1992. 234.

И.П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. XVIII (ПО МАТЕРИАЛАМ РЯДА НОВЫХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ ПРИЗРЕНСКО-ТИМОКСКОЙ И КОСОВСКО-РЕСАВСКОЙ ЗОН)

В последние годы сербская лексикография пополнилась целой серией диалектных словарей, в том числе отражающих лексику призренско-тимокской и соседствующей с ней косовско-ресавской зон.

В данной статье интерпретируются некоторые из наиболее интересных с этимологической точки зрения примеров, представленных в следующих словарях: 1. призренско-тимокская зона: *Богдановић Н.* Говори Бучума и Белог Потока // СДЗБ ХХV, 1979, 149–164 (далее – Б.); *Ћирић Љ.* Говор Лужнице // СДЗБ ХХIX, 1983, 125–164 (далее – Љ.); *Живковић Н.* Речник пиротского говора. Пирот, 1987, 1–178 (далее – Ж.); *Динић Ј.* Речник тимочкого говора. Београд, 1988, 15–316 (далее – Д.); *Он же.* Додатак речнику тимочкого говора // СДЗБ ХХХVI, 1990, 384–422 (далее – Д. Додатак); 2. косовско-ресавская зона: *Марковић М.* Речник народног говора у Црној Речи // СДЗБ ХХХII, 1986, 260–494 (далее – М).

Архаичный характер штокавских говоров, которые нашли отражение в данных словарях, повышает вероятность выявления уникальных образований, требующих этимологического истолкования, а также лексем

исконного характера, демонстрирующих древние словообразовательные элементы, старую огласовку корня или оригинальную семантику, учет которых в ряде случаев предопределяет этимологическое решение. Особый интерес как для лингвогеографии, так и для этимологии представляют случаи регистрации лексем славянского происхождения, распространенных в других славянских языках (рус., болг. и др.), но не отмечавшихся в сербском, либо фиксировавшихся в нем лишь в осложненной аффиксами форме или с отличающейся семантикой, а также констатация внутриславянских (словообразовательно-) семантических изоглосс.

Так, чрезвычайно любопытно представленное в ряде рассматриваемых словарей адвэрбное образование *наповицице* 'вдвоем': Нбсе чебэр *наповицице* (Б. 157), *наповицице* 'когда вдвоем несут какую-н. вещь на палке' (Д. 162), *наповицице* 'когда котел, ушат или что-н. еще несут вдвоем, повесив на палку': Че га однесёмо *наповицице* (Ж. 95). Оно обнаруживает соответствие в бlr. диал. наречном *наповеркі*, *наповерку* 'укрепив груз на середине палки, нести ее вдвоем, взяв за концы или положив их на плечи' (Юрчанка. Мсцсл., 141). **Na poviricę*, **na poverkъу* трактуется как "сочетание предл. *na* и адвэрбиализованного префиксально-суффиксального производного от гл. **verti*, **vъrq* (см.) и **virati* (см.)" и определяется как лексическая и этнографическая серб. диал.—блр. диал. изоглосса (ЭССЯ 22). Семантика данных образований должна быть, очевидно, связана прежде всего с такими значениями, как 'совать, вкладывать' (рус. *верять*), 'кладу, вставляю' (болг. *за-врѫ*), 'вставлять, продевать (нитку), запирать' (лит. *veriu*, *vérti*), 'жердь (в заборе)' (лит. *vāras*), представленными в и.-е. гнезде **uer-*(слав. **ver-*, *vir-*), (Фасмер I, 293; 350; II, 71–72). Интересно отметить факт существования структурно и семантически близкого к *на-по-вýр-ице* сербского диалектного наречия *на-по-вýл-ице* 'нести вместе (вдвоем) груз в ушате на плечах' (М. 375), а также *по-вýлице* 'когда несут ушат на плечах вдвоем' (М. 401). Следует еще сказать, что структурно сопоставимые с *на-по-вýр-ице* и (*на*)-*по-вýл-ице* образования типа *на-леђ-ицē* 'на спине, навзничь', напрямую связанные с сущ. (в частности, *léђa* 'спина'), побуждают предполагать, что и анализируемые лексемы могут восходить непосредственно не к глаголу, а к какому-то родственному ему существительному, однако поиски последнего результатов пока не дали.

Как известно, слав. **gněvati*, **gněviti* употребляются обычно со значением 'сердить' (ЭССЯ 6, 169–170), однако в анализируемых нами словарях данные глаголы приведены со значением 'жалобить, печалить': *гњéва* 'жалобить, печалить кого-н., раздражать' (Д. 49), *огњéва сe* 'опечалиться, загрустить' (Д. 175), *разгњéва сe* 'опечалиться' (Д. 240), *огнёви сe* 'загрустить, пригорюниться' (М. 383), см. еще прилаг. *гнёван* 'невеселый, грустный, печальный' (М. 287). Аналогичное значение ('жалобить, опечаливать, доводить до слез') представлено и в рус. диал.: *гневить невéсту* 'петь невесте обрядовые песни перед свадьбой': Подруги нивесту *гневют*; нивесте косы расплетают, она плачет, а подруги песни поют,

значит, невесту гневют (Иванова, Подмоск., 84). Следовательно, выявляется серб. (диал.) рус.(диал.) семантическая изоглосса.

Обращает на себя внимание прилаг. *тόнь-ав* ‘медленный, медлительный, вялый’ (М. 456), которое не вошло в этимологический обиход (оно отсутствует и в Этимологическом словаре П. Скока) и нуждается в истолковании. По-видимому, слово должно сопоставляться с восстановливаемым В. Меркуловой глаголом **tēti* ‘тянуть’, а также ‘идти’ (← ‘тянуть’) и отглаг. **tonъ* ‘движение, ход’ (см. блр. диал. *тонь* ‘движение, ход, ритм’) – к и.-е. **ten-* ‘тянуть, натягивать’¹. Значение ‘медленный, медлительный’ в нашем случае может быть интерпретировано как ‘который “тянет”, т.е. ‘делает что-л. медленно’: ср., в частности, рус. *тянуть* ‘медлить, мешкать или волочить, длить, долго не кончать (тянуть дело, решение)’ (Даль² IV, 452). Объединение серб. диал. *тόньав* ‘медленный’ с **tēti* ‘тянуть’ поддерживается уникальным черногорским образованием с идентичным значением ‘медленно’ – *тетко* (Ровинский. Черногория, 679), которое является непосредственным производным с суф. -*ък-* от гл. **tēti* (слав. *tēti*), сохранившим характерную глагольную *e*-огласовку корня, тогда как в прилаг. *тόньав* представлена именная *o*-огласовка.

Гл. *утро́и се* ‘задохнуться, потерять голос от плача’: Детёво се утромо од ровáња (Д. 297) – также не нашел отражения в этимологической литературе (в Этимологическом словаре П. Скока тоже не представлен) и нуждается в интерпретации. Форма и семантика анализируемого глагола дают основание сопоставлять его с рус. диал. *зарéять* ‘запыхаться’ (яросл.), *зарéяться* ‘запыхаться’ (волог., новгор., яросл.) (Филин 10, 383), *зарýять*, -*ся* ‘задохнуться’, *réять* ‘запыхаться, устать’ (яросл.) (Мельниченко 74, 175), *réяться, обрéяться, зарéяться, зарéяться*, ‘задыхаться, страдать одышкою’ (черепов.) (Герасимов, 77) и др., а также с серб. диал. (Вране) *за-б-рёјати се* ‘задохнуться, запыхаться’ (PCA V, 521) (< **за-об-рејати се*) на базе корневого чередования **rej*-/-*roi*⁻², далее – к **rinqtı, rěka* и др³. Что касается определения характера *t* в составе глагола *утро́и се*: если оно не вставное, то могло появиться в результате отпадения *o* в приставке *от-*: **у-от-роити* > *утроити*. С серб. диал. *утро́и се*, очевидно, может быть сближено любопытное рус. диал. *тройть* ‘лить, цедить’ (Ярослав. словарь (*с-тятя*), 118). Что касается формальной стороны дела (проблемы интерпретации *t*), то аналогичная картина наблюдается, видимо, в случае с серб. диал. *тробним* ‘крошить, лущить (зерна кукурузы с початка)’ (Ж. 156) (< **от-ронити*?) – ср. с.-хорв. *рðнити* ‘проливать; нырять’, рус. *ронить, ронять*, диал. *поронить* ‘повалить, срубить (о дереве)’ (Сл. Сред. Урала III, 99), *рбнка* ‘делянка для вырубки леса’ (Там же, 85) и *отрбн* ‘отрезок ствола’ и др. знач. (Там же, 89). И хотя с.-хорв. гл. *рðнити* значит ‘проливать’ (а не ‘осыпать’ или ‘крошить’), следует учитывать возможность существования у одного и того же слова значений ‘лить, пролить’ и ‘(о)сыпать’: сочетание их представлено у родственного глаголу **roniti* греческого *ρᾶω* ‘окропляю, осыпаю’, а также у с.-хорв. *сùпнати* ‘сыпать, лить’ и болг. *сùпвам* ‘сып-

лю, лью'. Ср. еще с начальным *ð* (по-видимому, из приставки *om-*) укр. диал. *дрійнүти* 'толкнуть, лягнуть' (Гринченко I, 445) (< **ot(ъ)rinqti?*).

Уникальную семантику демонстрируют серб. диал. *глуми се* 'разрасаться, расширяться, разветвляться (о бурьяне, кустарнике, ветвях, деревьях), глуша остальные растения вокруг' (Ж. 20), *углуми се* 'врасти в кустарник, бурьян' (Ж. 161), *углумен* 'вросший в кустарник, траву' (Там же), *глумес, -та, -то* 'имеющий шарообразную форму' (Д. 48) (т.е. 'пышно разросшийся?'). Столь отличаясь от общераспространенной 'шутить, насмехаться, забавляться, шутка, дурь и т.п.' (см. ЭССЯ 6, 147–150: **gluma***glumъ*, **glumiti* (*sę*) и др.), данная семантика находит поддержку в ряде значений, представленных у слов с корнями **glup-* и **glux-*, позволяя поддержать мысль о родстве (с учетом определенных оговорок) **glum-*, **glux-* и **glup-* (ЭССЯ 6, 147): см. чеш. диал. *hlupiti* 'затенять' (Фасмер I, 416–417), словен. *glupiti* 'глушить', блр. диал. *глúпы* 'глухой' (ЭССЯ 6, 151; 152), а также рус. *сорная трава глушил хлеб* (Даль² I, 359).

В рассматриваемых словарях чрезвычайно многочисленны примеры с корнем **lat-* непосредственно в значении 'летать' (тогда как обычно лексемы с **lat-* отмечались со значениями 'подстеречь, поймать; схватиться, приниматься за что-л., браться, приняться' (ЭССЯ 14, 48, 49), см., в частности: *улáти* 'улететь' (Д. 292), *долáти* 'долететь' (Д. 63), *излáти* 'вылететь' (Д. 105), *одлáти* 'отлететь' (Д. 178), *облáтим* 'облетать' (Ж. 103), *пролáтим* 'пролетать' (Ж. 130), *слáтим* 'слетать' (Ж. 146) и др. Выявление примеров с корнем **lat-* в значении 'лететь' делает излишним семантическое обоснование родства слов с *lat-* и **let-(lět-)* 'лететь', что, однако, было необходимо, когда для **lat-* констатировались лишь значения 'поймать, схватить; взяться, приняться' (см. ЭССЯ 14, 48; 49). Заметим, что болг. диал. *латá* 'стремиться к работе и богатству', которое предположительно производят от *ламтá* (БЕР III, 325), что едва ли убедительно, вероятно, также следует включить в анализируемое гнездо **lat-* (**lot-*, **let-*, **lět-)*: ср. идентичную болгарскому глаголу семантику у соответствующих словен. и с.-хорв. глаголов.

Чрезвычайно важно при этимологизации учитывать редкие лингвистические факты и явления, в частности, лексемы с архаичными префиксами *ко-, ка-, ку-,* в ряде случаев вступающие в отношения своеобразного чередования с *че-, чо-, ча-, чу-* и др., см., например, *ко-прыска се* 'копаться в пыли' (Д. 125) – *чо-прыска се* то же (Д. 307), *за-ко-връљи* 'обессилеть; упасть; разболеться' (М. 310) – *чо-връљи* 'искривлять, кривить' (М. 482); см. еще и глаголы, очевидно, с "вставным" *-та-/мо-/тъ-:* *на-тá-врим* (*се*) '(при) нарядиться' (Ж. 96) – ср. *нá-врем* 'натянуть, надеть, напялить' (Ж. 89), *он-то-тóули* 'заткнуть все отверстия' (Д. Додатак, 405) – ср. *за-тú-тóуљ-ити* 'замотать; спрятать, скрыть', (PCA VI, 499) и *за-тóуљити* 'затворить, заткнуть дыру (нору); скрыть спрятать' (Там же, 494), *ро-túлити се* 'скрыть, спрятать' (Skok III, 520–521). Причем, в ряде случаев выявление и введение в научный обиход фактов такого рода определяет

этимологическое решение или вообще позволяет свести процесс этимологизации к элементарному словообразовательному анализу. Так, в Этимологическом словаре П. Скока отсутствует интерпретация диал. (Лика) лексемы *nakàvalica* ж. ‘множество гостей’: svaki dan imam и kući *nakavalice* (Skok II, 500), см. также диал. *накàвалица* ж.р. ‘множество гостей; приход гостей’ и др. (РСА XIII, 772). Помимо слов *навáлица* ‘наплыv народа, давка’ (Д. 154), диал. *нàвалица* и *нáвалица* ‘массовый приход; появление чего-л. во множестве’ (РСА XIII, 438) и *навáли* ‘нагнуть, накривить на одну сторону’ (Д. 154), *навáлити* ‘появиться в большом количестве; неожиданно появиться’ (РСА XIII, 435–438), обнаруживается и гл. *на-ка-вáли* ‘навалиться, напасть, нагрянуть во множестве’ (Д. 159) – все вместе приведенные примеры с архаичным префиксом *ка-* (и без него) позволяют однозначно интерпретировать сущ. *на-ка-вал-ица*. Любопытно отметить существование рус. диал. (волог.) прилагательного *не-у-то-вальный* ‘неуклюжий, нескладный’ (Волог. словарь (Н), 107), где *-то-* является как бы чередующимся с *-ка-* в серб. *на-ка-вали*, *на-ка-вал-ица*,ср. подобные же случаи: серб. диал. *на-ко-мр̄штит се* ‘наморщиться, нахмуриться’ – *на-то-мр̄штит се* то же (Стијовић. Вас. 253, 258), *с-ко-вýтли* ‘схватить; скрутить’ (Д. Додатак 416) – *за-то-вýтлít-за-вítлати* ‘замахнуться, нацелившись’ (Стијовић. Вас. 187) и др.

Большим достоинством обозреваемых словарей является тот факт, что в них нашла широкое отражение лексика, относящаяся к народным обычаям, обрядам, верованиям и суевериям. Причем важно, что здесь часто дается краткое описание того или иного обряда. Слова данного семантического круга относятся обычно к тому пласту лексики, который отражает древнейшие народные представления. В этом отношении привлекает внимание выражение *обéре трáгови* (= *обере поље*) ‘говорят, когда колдунья (ведьма) совершил колдовство’, т.е. ‘оберет (соберет) следы’: Сáл што ме је стрйнка научила, / Те сам ъёму трáгов обрала. (Д. 172). Манипуляция со следами человека, производимые во зло ему, – древнейшая магия, бытовавшая не только у славянских народов. Вот что пишет о “чарах на след”, в частности, И. Сахаров: “В селениях чары на след употребляются: в любовных интригах, в размолвке соседей, в явной, непримиримой вражде. В первых двух случаях будто они нагоняют только вечную тоску, отвращение от занятий и неизбежную смерть; в последнем же случае, кроме тоски, иссушают человека до последней возможности и доводят нередко до самоубийства... Поселяне, предпринимающие совершил чары на след, стараются подметить след проходящего человека, своего непримиримого врага. Заметивши след, они закрывают его, чтобы посторонние не истребили. Чародеи считают те только лучшими следы, которые были напечатлены: на песке, пыли, грязи, росе, снеге, и в особенности те, на которых есть волосы животных и людей... Привзванный чародей так искусно отделяет след, что он представляет как бы слепок со ступни... Над снятым слепком тайно читают заговоры...”⁴ См. еще *нáмер* ‘головная боль со рвотой, которая вызвана тем, что человек наступил на “сугреби” – следы змея’ (Б. 157), *сугréби* м. мн.

‘земля, взрыхленная, раскопанная собакой; болезнь кожи, чесотка’ (М. 452). Отметим также целый ряд старых названий таинственных существ, злых духов, вампиров и вурдалаков: *дсењ* м.р., *дсења* ж.р. ‘вампир’ (Д. 188), *опсења* ‘привидение, призрак’ (М. 388), *бмаја* ж.р. ‘вампир, вурдалак’ (Д. 182), *нёведа* ж.р., которое можетзначить ‘неизвестное, таинственное существо (демон, злой дух)’ (Ж. 98) –ср. еще *нёведа* ж.р. ‘несчастье, злая сила’: Нек га нбсе але и *нёведе* (Д. 167), *нёжит* м.р. ‘злой дух’ (Д. 168) и другие, многие из которых требуют интерпретации.

В завершение еще раз отметим, что в рассмотренных словарях представлен чрезвычайно богатый лексический материал, который должен стать объектом подробных исследований для лингвистов разного профиля и прежде всего для этимологов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Меркулова В.А. И.-е. **ten-* ‘тянуть, натягивать, плести’ в славянских языках // Этимология. 1975. М., 1977. 52–63.

² О семантическом диалектизме **za-rějati (sę)* ‘задыхаться’ (рус. диал. – серб. диал.) см.: Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. VI // Этимология 1975. М., 1977. 42–44.

³ Убедительное обоснование перечисленных русских глаголов со знач. ‘запыхаться, задыхаться’ см.: Меркулова В.А. К истории становления народной медицинской терминологии // Slawische Wortstudien. Bautzen, 1975. 133–134.

⁴ Сахаров И. Сказания русского народа. Т. I. Кн. 2. Изд. 3. СПб., 1841. 37.

О. Младенова

ИЗ БОЛГАРСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ. IV.*

(13. *синци́*; 14. *пálam*; 15. *стрéми*)

13. В болгарских диалектах имеет широкое распространение слово *синци́* ‘бусы’ (БДА I, к. 250, II, к. 253; III, к. 282). Считается, что оно произведено при помощи суф. -ьцъ от *син* ‘синий’ (Младенов, 580). Поскольку бусы бывают не только синими, но и любого другого цвета, эта этимология выглядит довольно произвольной. С другой стороны, правдоподобность такой внутренней формы как будто бы подтверждается русской параллелью: согласно Р. Якобсону, *бусы* происходит от прилагательного тюркского происхождения *бусый* ‘темно-серый, пепельный’¹.

Представляется, что есть возможность предложить альтернативную этимологию, столь же вероятную с формальной точки зрения и лучше обоснованную семантически.

Болг. *синци́* может быть производным от др.-болг. *синъ* ‘нить’². На древнеболгарское слово обратил внимание Р. Айтцетмюллер³. По его мнению др.-болг. *синъ* находит ближайшую параллель в лтш. *pasainis*